

В.Е. Возгрин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАРЛА XII С КРЫМСКИМИ ХАНАМИ И ТУРЕЦКИМ СУЛТАНОМ В ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Предваряя эту краткую историю военно-политической деятельности Карла XII на южном направлении, напомним, что ему, как и другим монархам той эпохи, приходилось иметь дело не с правительствами Турции и Крымского ханства, а с сюзеренами этих государств. Поэтому дадим их краткую характеристику. Ахмед III вззошел на престол своего брата, свергнутого янычарами в 1703 г., и правил до 1730 г. Это был человек по-своему одаренный, но политик слабый и подверженный посторонним влияниям. Поэтому его правление отмечено рядом взаимоисключающих решений и акций. В целом же политика султана характеризовалась рядом тяжких ошибок и просчетов, принесших империи немало вреда.

Крымский хан Девлет-Гирей II, напротив, был образцом целеустремленности и политической стабильности. Он правил на протяжении двух периодов (1699–1703, 1708–1713) и успел за это время завоевать доверие и уважение своего народа не только мягкой внутренней политикой, но и еще более — талантом крупного полководца и личной храбростью. Высок был его авторитет и в османском обществе: во время восстания в 1703 г., стоившего престола Мустафе II, масса турок требовала приглашения на престол Османов именно крымского хана¹.

Девлет-Гирей II тревожно всматривался в происходившее на демилитаризованной (согласно Константинопольскому договору 1700 г.) полосе вдоль северной границы ханства. А творилось там именно то, чего он опасался: русские возобновили создание базы для вторжения в пределы ханства. Беспокойство Гирея здесь вполне понятно. При желании можно понять и его возмущение таким нарушением Константинопольского договора, который он соблюдал. Причем не будучи его участником, а лишь испытывая органичное стремление к миру. Для этого хан не останавливался перед жесткими наказаниями своих подданных (заперекопских ногайцев), набеги которых на украинские и русские земли могли нарушить этот едва установившийся мир.

На фоне репрессий против своих же подданных хан видит, что здание драгоценного мира разрушается совсем с другой стороны, иными блюдущи-

ми собственные интересы людьми, по сравнению с которыми он — жалкий идеалист, верящий в действенность международного договора, гарантированного великими державами...

Согласно упомянутому договору Девлет-Гирей не имел права не только самостоятельно принимать меры против русских нарушителей Константинопольского мира, но и апеллировать к европейским гарантам этого трактата. В то же время что-то нужно было делать, ведь возраставшая русская опасность не была плодом больной подозрительности Гирея. О том же говорили не только его бахчисарайские советники, но и эмиры на местах. Как сообщает турецкий историк Фундуклулу, они все «собрались и пошли к Крымскому хану Девлет-Гирею, согласившись (то есть договорившись. — *В.В.*) заставить его силою последовать им — пойти на москвичей, рассеять их, вторгнуться в разные места пределов их и сжечь построенные ими крепости и корабли. Но крымские улемы не позволяли сзывать людей в поход, говоря, что это противное миру дело; что об этих обстоятельствах надо дать знать в Высокую Порту, испросить ее разрешения и сообразно с этим уже действовать»².

Поэтому неудивительно, что не удовлетворенный условиями Константинопольского трактата, не предоставлявшего ханскому Крыму никаких прав (в том числе и на самооборону), Девлет-Гирей стал искать поддержки у монархов, не входивших в число участников договора. Прежде всего им стал Карл XII. Дело это было не столь уж необычным.

Первое упоминание о связях двух столь далеких друг от друга народов, как крымские татары и шведы, мы находим под годом 1556. Тогда речь шла о совместном выступлении против усилившегося русского соседа, проявившего невиданную ранее агрессивность, равно опасную для Швеции и Крыма. С аналогичной целью посещало Стокгольм посольство Мехмеда-Гирея II еще раз, в 1579 г., но обе эти дипломатические акции оказались безрезультатными. Попытались заключить военно-политический союз с Крымом и шведские короли Юхан III, Сигизмунд III и Густав II Адольф. Характерно уже для раннего этапа истории шведско-крымских отношений стремление ханов вести эту политику *самостоятельно*, изолированно от турецкой стороны, а иногда и в ущерб последней. Так, Джанибек-Гирей II (1610–1623, 1628–1635), собрав по требованию султана 30-тысячную армию для персидского похода, решил отправить ее на помощь шведам. И наоборот, Ислам-Гирей III (1644–1654) призывал королеву Кристину присоединиться к Крыму, Украине и Польше для совместной борьбы с Москвой³.

В эпоху Северной войны момент первого контакта Девлет-Гирея II с Карлом XII нам неизвестен, но уже в 1702 г. хан мог предъявить султану свою дипломатическую переписку со шведами и запорожцами относительно антирусского союза с ними⁴. Тем не менее Мустафа II, уже имевший выгодный ему мирный договор с Петром I, категорически запретил хану выступить против войск Петра I на Украине совместно со шведами.

Ободренные безнаказанностью, русские постоянно возводили на упоминавшейся демилитаризованной полосе одну крепость за другой. Очередной укрепленный городок, Каменец (Каменка), появился на уже бесспорно крымской территории, в 120 верстах от Перекопа. Причем на линии между обеими крепостями было создано еще несколько укрепленных пунктов⁵. Значение Каменца как базы для экспансии было понятно, в частности, польским современникам этих событий: «А для того, чтобы город этот мог им служить защитой и прибежищем в военное время, они переступили границы Крыма и наполнили город людьми, оружием и пушками в изобилии»⁶. Девлет-Гирей писал в эти месяцы султану: «Все народы знают и всем известно, что они (т.е. русские. — *В.В.*) ищут предлога и способа, как бы отнять у нас землю нашу и властвовать на Черном море полными хозяевами». Но новый султан Ахмед III не только не придал значения предостережению хана, но и публично обозвал крымско-татарских политиков «изобретателями и лжецами». Видя это, Девлет-Гирей прибег к последнему средству и отправил к султану группу московских пленников. «Те рассказали последнему, что они в самом деле намереваются завоевать всю землю Крымскую...»⁷. Порта игнорировала и этот аргумент.

Тогда Гирей решился на отчаянный шаг. Считая, что враждебное Крыму кольцо далее может лишь сужаться, он выступил против силы, мешавшей ему это кольцо разорвать, — против Турции. Хан собрал огромную рать из собственно крымских, а также ногайских татар, ему обещала помочь и Сечь, но туркам удалось опередить нападение татаро-украинского войска — в 1703 г. Девлет-Гирей был низложен. Вышедшие за Перекоп крымские конники разошлись по домам.

Воссевший на бахчисарайский престол Селим-Гирей I (1702–1704) также вступил в политический контакт с противниками России. Весной 1704 г. польские полководцы Г. Любомирский и А. Синявский, уже полгода ведущие переговоры с ханом, могли сообщить своему союзнику, Карлу XII, что хан согласен в нужный момент ударить по войскам Петра I с юга. При этом Любомирский представил шведам письмо Селим-Гирея от 23 июня 1704 г., в котором соответствующие планы были изложены вполне конкретно. Более

того, хан сообщал, что он уже начал подготовку к их осуществлению, направив своего посланника к султану за разрешением действий против России⁸. Однако вплоть до самой смерти хана (22.12.1704) таких акций отмечено не было — из-за нежелания Турции нарушать мир с Россией.

Весной 1705 г. очередной хан, Гази-Гирей III (1704–1707), сообщил польскому воеводе Киева Йозефу Потоцкому о своем согласии поддержать шведов в борьбе с царем Петром⁹. Однако в послании крымских татар по-прежнему подчеркивалось, что для участия в войне на стороне шведов и поляков необходимо согласие султана Турции, чего пока не имелось¹⁰. Скорее всего именно поэтому Карл XII не придавал большого значения крымской инициативе, целиком передав эту внешнеполитическую линию полякам, то есть своему союзнику, королю Станиславу Лещинскому.

В августе 1707 г. начался решающий поход Карла XII на Россию. Уже в октябре–ноябре крымские татары, чьим ханом весной стал Каплан-Гирей I (1707–1708), пишут в полевую ставку шведской армии о своем желании поддержать шведов, присоединившись к ним с военной силой не менее 40–50 тыс. всадников. Затем о таком же желании заявляют запорожские казаки, которым до того «надоело русское иго», что они начали союзные переговоры с крымскими татарами. При этом, как стало известно, турки теперь не только не возражают против выступления хана, но вроде бы и поощряют его планы¹¹.

Однако союз с Гиреем приобрел в глазах Карла XII актуальность лишь в 1708 г., после начала его русского похода. Он направил в Крым своего посланца, который был тепло принят в декабре 1708 г. Девлет-Гиреем, вновь воссевшим на бахчисарайский престол. Хан немедленно начал готовиться к походу навстречу шведам, обеспечив себе для этого поддержку запорожских казаков. Более того, он через своих стамбульских друзей склонял к совместному выступлению султана, а также продолжал укреплять личные связи с польским королем Станиславом и гетманом И.С. Мазепой. Поэтому к началу 1709 г. Крым мог уверенно обещать Швеции помощь собственным войском, в которое входили нашедшие в Крыму приют после разгрома К. Булавина 8 тыс. казаков под руководством Игната Некрасова¹².

Тем не менее между королем и ханом еще оставались кое-какие недоговоренности, которые грозили затянуть начало совместных операций. В случае победы над русскими, полагал Девлет-Гирей, он должен был получить гарантии такого мира, в котором не было бы порочности Константинопольского договора 1700 г., где интересы ханства игнорирова-

лись. Поэтому с целью проведения соответствующих переговоров 16 мая 1709 г. к И.С. Мазепе прибывают два крымско-татарских военачальника. Гетман представил их Карлу XII. Начались переговоры, задачей которых была выработка официального обязательства перед татарами шведского и казацкого руководства. А именно — не заключать мира с Россией, пока в нем не будут учтены все крымские требования. То есть аналогичные тем, что от шведов уже получили запорожцы. Однако кроме предварительных соглашений никакого результата это посольство не добилося, и переговоры были прерваны до прибытия к Карлу XII полномочных представителей хана¹³.

Таким образом, опираясь на поддержку запорожских и иных казаков, хан вновь декларировал открытое неповиновение Турции и даже противодействие политике Стамбула: к тому времени Ахмед III занял целиком нейтральную к Русско-шведской войне позицию. Султан не обнаружил духовной силы для объявления войны Московии.

Весной 1709 г. шведы сообщают Девлет-Гирею, что Сечь с ними заодно и осведомляются о видах и сроках помощи из Крыма. В целом же они были в такой помощи уверены: «Мы стоим на пути, по которому татары обычно ходили на Москву. Теперь они пойдут туда с нами»¹⁴, — такого рода письма шли в Стокгольм из шведской армии весной 1709 г. Уверенность шведов в помощи крымских татар вскоре стала еще большей. Султан согласился смотреть на выступление Девлет-Гирея сквозь пальцы, а в начале мая и в самом Стамбуле началась погрузка пушек и боеприпасов на корабли — Турция отправляла их на всякий случай поближе к Украине¹⁵. Казалось, ничто не могло помешать осуществлению плана двойного удара по войску Петра I, задуманного шведским королем и крымским ханом заодно с казаками Сечи и Дона. А ведь угроза была нешуточная. Если под Полтаву Карл XII привел 23 тыс., а Петр — 40 тыс. солдат, то татарское войско превышало 40 тыс., не считая осевших в Крыму беглых казаков, что в решающем сражении могло склонить чашу весов в пользу шведов. Кроме того, запорожцы, опасавшиеся царских репрессий и поэтому просившие хана принять их в крымское подданство, также должны были выступить на стороне шведов.

Тем не менее план соединенного удара на петровскую армию был сорван. Царь подкупил турецких чиновников, в том числе и великого визиря Чорлулу Али-пашу, и те склонили султана к сохранению мира с Россией¹⁶. И Ахмед III направил в Бахчисарай категорический запрет выступления крымцев против России. В том же фирмане хану запрещалось принимать запорожцев в свое подданство¹⁷.

Однако само это ходатайство запорожцев стало последней каплей, переполнившей чашу терпения грозного царя, и он нанес мятежникам решающий удар. Казаки потерпели поражение, начались массовые казни. Торжествующие победители сожгли ряд городов, в том числе Батурин (население которого было полностью ликвидировано), Чигирин и Сечь. Были взорваны или сожжены даже небольшие казачьи крепости и селения, ограблены не только частные дома, но и церкви¹⁸.

Узнав об украинской резне, султан, по-видимому, утратил веру в возможность победы над московским войском и жестко подтвердил свой запрет хану вмешиваться в украинские события. Но Девлет пустил в ход интригу, прося помочь ему Исмаил-пашу, сераскира Бендер, обладавшего большим весом при султанском дворе. Тот вошел в контакт со Стамбулом, и вскоре великий визирь сообщил ему, что султан согласится на выступление Крыма, но лишь в том случае, если Турции будет гарантирована выгода от будущей победы над русскими. То есть если Карл XII и Гирей предварительно заключат с Турцией договор, согласно которому мир с царем они не подпишут, пока в трактат не войдет пункт об ограничении дальнейшего продвижения русских на юг. Согласно турецким и шведским источникам, Турция более всего опасалась сепаратного шведско-русского мира — тогда она осталась бы с Россией один на один¹⁹.

В те же мартовские дни к хану прибыли гонцы от казаков, сумевших уйти от царской расправы и снова собравшихся в единое войско под водительством И.С. Мазепы. Своей грамотой гетман предлагал хану не медлить с выступлением для соединения с Карлом XII. Сечевики доставили в Крым и послание королевского канцлера Т. Пипера, содержание которого подтверждало смысл сложившегося на Украине положения, изложенный казаками. А именно — Карл XII призывал хана «воспользоваться моментом и ситуацией для того, чтобы выступить против общего врага»²⁰.

Весть об упомянутом ответе из Стамбула пришла к хану, когда он вопреки приказу султана уже вывел свою конницу к Днепру, разбив по пути несколько русских крепостей. Тут крымское войско разделилось надвое, причем меньшая часть остановилась в Кобыляках, а большая прошла к р. Самаре²¹. А затем татары остановились, ожидая шведского ответа на предложение султана. Карл XII тут же передал в Стамбул истребованные султаном гарантии, хан — тоже, но пока турки вели эту мелочную торговлю, русские в отсутствие татар воспользовались своим почти двойным численным превосходством над шведами. Грянула Полтавская битва, которая разом все переменяла...

После поражения шведы медленно двигались вдоль правого берега Ворсклы в южном направлении, к Днепру. Почему они избрали именно этот путь, когда была возможна переправа не через широкий Днепр у Переволочной, а гораздо ранее, через узкую (около 100 м) и мелкую Ворсклу? Тем более что имевшиеся у Новых Сенжар и Беликов мосты можно было сжечь после перехода, да и в течение первых полусуток их никто не преследовал!²² Ведь после переправы можно было соединиться с крымско-татарским войском, стоявшим восточнее. А затем избрать одно из решений: вновь ударить по русским соединенными усилиями или же увести шведскую армию (две трети которой уцелели при разгроме) в безопасный и гостеприимный Крым. Ответ может быть лишь один: судя по дальнейшим действиям короля, он рассчитывал на реванш, но при помощи не хана, а султана, чья армия значительно превосходила крымскую.

Эта роковая ошибка Карла XII стоила полной гибели великой армии. И более того, во многом определила исход Северной войны. Но в 1709 г. никому не было дано предугадать, каким он будет. Что же касается лично короля, то в его южной политике один этап просто сменился другим. Более того, после Полтавы именно южное направление в политической деятельности Карла XII становится едва ли не доминирующим.

Теперь он разрабатывает новую программу, планируя создание шведско-турецко-крымской военной коалиции, направленной против старого противника — России. Более того, согласно некоторым документам турецких архивов, Карл полагал включить в этот союз и Польшу в лице своего ставленника короля Станислава²³. Из проекта будущей коалиции не делалось особой тайны — шведские дипломаты с энтузиазмом говорили о нем чуть ли не при всех дворах Европы²⁴. Впрочем, Порта пока воспринимала инициативу короля весьма вяло.

Примечательно, что уже из Очакова, первой турецкой крепости, где Карл остановился после полтавского разгрома, он шлет в Бахчисарай своего постоянного представителя О. Клиноквстрёма. Король не без оснований полагал, что хан первым пойдет навстречу его планам. Ведь Девлет-Гирей был единственным в Европе правителем, интересы которого в отношении России полностью совпадали со шведскими и который никогда не торговался с королем, а предлагал свою помощь на любых условиях. Карл не ошибся: хан остался на тех же позициях и после Полтавы (в противоположность Порте, предоставившей королю приют, но всячески затягивавшей деловые переговоры). И уже в августе 1709 г. Девлет-Гирей предложил (снова в обход Турции!) все свое войско, чтобы помочь Карлу пробиться в Померанию, где стояла крупная группа шведских войск²⁵.

Но король, которого турки поместили в Бендерах, отклонил это предложение, а вскоре, уже в 1710 г., в Крыму ведет переговоры новый посол Карла XII Свен Лагерберг — снова о заключении союза, и снова с участием уцелевших от побоища казаков, которых осталось немало и на Украине, и в Крыму²⁶. В помощь С. Лагербергу для лучшей координации действий был послан лейтенант К. Скадер (последний почти постоянно находился при нуреддине хана на Кубани²⁷). Одним из первых предложений, которые С. Лагерберг услышал от Девлет-Гирея, была инициатива о двойственном союзном крымско-шведском договоре, то есть в обход стамбульского двора. Узнав об этом, Карл XII выразил живейшую заинтересованность, изъявив лишь пожелание привлечь к будущему союзу и казаков Ф. Орлика, который, по словам шведского короля, «как полководец обладает чрезвычайно высоким авторитетом во всей Европе»²⁸. Одновременно обсуждалась и проблема возвращения Карла XII из Турции в шведскую армию, в те месяцы стоявшую в крепостях Шведской Померании. Хан снова предлагал 40 тыс. войска в качестве «эскорта» королю, который должен был пробиться сквозь беспокойные или откровенно враждебные ему европейские земли. При этом Девлет-Гирея не страшила ни польская, ни даже австрийская армия²⁹.

Такого рода помощь, предложенная ханом своему шведскому союзнику, выявляет взгляд Гирея на перспективы дальнейшей политики противников Петра. Хан, безусловно, придерживался всеобщего (и в целом верного) мнения о короле шведов — гениальном полководце, но политике, в общем-то, слабом. Девлет-Гирей считал, что место Карла — в главной армии Швеции, от которой его отделяла добрая тысяча миль, а не в Османской империи, от которой и более квалифицированные бахчисарайские политики не могли добиться хотя бы позволения принять участие в боях шведов на Украине. Король должен был стать во главе своего главного войска, донине не знавшего поражений, и проявить во всем блеске сильную сторону своей незаурядной личности, ведя шведов от победы к победе, а не тупить перо в бесплодной переписке с султаном. Эта мысль Гирея, при всей ее убедительности, была пока недоступна Карлу.

Кроме того, Девлет-Гирей предлагал в качестве эскорта при путешествии короля через частично захваченную русскими Польшу ни много ни мало 40 тыс. крымских всадников. Это было, мягко выражаясь, многовато для сопровождения монарха в любой самой опасной ситуации. Хан явно рассчитывал поучаствовать в первом же ударе шведской армии, обретшей своего славного короля-героя, на восток. И этот план был совершенно прозачен для всех — как сторонников, так и противников Гирея.

Проведав об этих замыслах крымского владыки, встревожился царь Петр. Не возражая против турецкого эскорта, он послал в Стамбул протест против крымского сопровождения, понимая, чем грозит ему появление нескольких десятков тысяч татар в Польше или Северной Германии. Султан, согласившийся было на план Гирея, протест царя отклонил. Но тот выставил ультиматум: если Карл XII не будет удален из Турции, то русские войска тут же пойдут с Украины к турецким границам, вдоль которых возведут свои крепости. Султан счел себя оскорбленным подобным вмешательством в его внутренние дела, а хан, раздувая этот гнев, склонял его к объявлению России войны.

И вскоре она действительно началась, известная Русско-турецкая война 1710–1711 гг. Причем целиком по инициативе Девлет-Гирея, о чем знала вся Европа, проникавшаяся все большим уважением к незаурядному политическому дару этого государя³⁰. Он же и начал военные действия, выступив на Украину вместе с находившимися в Крыму запорожскими, донскими и кубанскими казаками, а также отрядом, составленным из шведов, добравшихся после Полтавы до ханских земель.

В конце декабря 1710 г. Девлет-Гирей во главе основной группы своего войска (40 тыс. сабель) за 22 дня достиг р. Самары, с ходу взял Новосергиевскую крепость, а затем, воспользовавшись растерянностью русских, и крепость Водолагу. Этот молниеносный успех был бы вряд ли возможен, если бы крымским татарам не оказывало помощи украинское население, доведенное петровскими контрибуциями и другими репрессиями до шокового состояния. Заметим, что по контрасту с русскими, крымским татарам было «от хана и сына его жестоко приказано, дабы черкасам (т.е. украинцам. — *В.В.*) разорения и грабежу не чинить, и в полон их не имать, и не рубить, а брать только один провиант, живность и фуража, а людей не брать»³¹.

Имело значение и то, что к хану присоединилось около 3 тыс. запорожцев³². С другой стороны, сопротивление российских войск было ослаблено необходимостью биться на двух южных (т.е. не считая польско-шведского) фронтах. Ведь пока хан выбивал русские гарнизоны на Левобережной Украине, его калга вошел в пределы Правобережья, создав угрозу западному флангу русской армии на Украине. Его почти 40-тысячное войско было усилено 5 тыс. польских противников царя и тысячей шведов. Кроме того, не менее важную политическую роль играло участие в походе сечевого генерального писаря Ф. Орлика с его казаками³³.

Впрочем, в январе–феврале 1711 г. татары вернулись домой, а основные русские силы тут же двинулись по направлению к молдавским владениям

султана. И вот тогда-то в Стамбуле было принято решение смягчить удар с севера, направив в районы Буджака и Правобережья войско крымского хана. Возврат крымских и молдавских войск был более чем необходим Порте, которая не могла выделить достаточного количества своих вооруженных сил, поскольку одновременно с военными действиями на Правобережье она готовила наступление в Причерноморье с целью возврата Азова и захвата Таганрога.

Затем последовала известная Прутская катастрофа. Попавший в котел близ берегового с. Станилешти царь был готов на что угодно, лишь бы его выпустили из ловушки. Он соглашался вернуть все по требованиям султана, хана и шведского короля, кроме устья Невы. То есть он соглашался расстаться с огромными территориями, завоеванными в Азовских походах и Северной войне: с Азовом, Таганрогом, а также Лифляндией, Карелией, Ингерманландией и финскими землями — по требованию Карла³⁴.

Однако этого не потребовалось. Стоило Петру дать визирю взятку (правда, огромную), и тот согласился на перемирие и освобождение петровской армии из кольца блокады. Об этой сделке сохранилось, помимо других данных, свидетельство польского дипломата Понятовского, собственными глазами видевшего, как в ночь с 11 на 12 июля из русского лагеря к ставке визиря проследовало 7 тяжелогруженных возов³⁵. Это и была плата за освобождение побежденного противника вместе с артиллерией, личным оружием, полковыми кассами, знаменами, амуницией и пр. Причем не считая возможности обменять этих окруженцев на находящиеся в русском плену турок, шведов и крымских татар. Перемирие было заключено на смехотворных условиях: русские расставались с Азовом, обязывались срыть Таганрогскую и Каменно-затонскую крепостцы, а также не вмешиваться в польские дела и более не требовать у хана выдачи некрасовцев. И это было все!

Карл XII и Девлет-Гирей, находившиеся в непосредственной близости от окруженной армии, яростно протестовали против решения визиря, доказывая, что буквально через несколько часов голодные и иссохшие от мучительной жажды русские все равно сдадутся и все сокровища достанутся победителю даром. Все было напрасно. Визирь Балтаджи ночью сменил гнев на милость, а утром его примеру последовал весь огромный лагерь, окруживший русских. Как указывает в своей рукописи современник, петровский капитан, потом сенатор и историк Ф.И. Соймонов, тут же начались взаимные посещения, чуть ли не братание, воцарилась праздничная, буквально ярмарочная атмосфера: «...приходили сами турки

в лагерь российской для продажи запасов своих, так что военной лагерь переменялся тот час в веселый ярмонг...»³⁶ Ощастливленный Балтаджи лично от себя и совершенно бесплатно отослал царю множество мешков с рисом, сахаром, хлебом, крупами и даже кофе³⁷. А потом неудачливых завоевателей отпустили с миром. И те ушли стройными рядами под сенью распущенных знамен, под барабанный бой, сохранив не только личное оружие, но и пушки...

Итак, Мехмет-паша Балтаджи, получив сокровища, в число которых входили все личные драгоценности Екатерины³⁸, принял единоличное решение отпустить русских. Затем перемирие было подтверждено безвольным правителем огромной империи Ахметом III. Но и после подписания договора Карл и Девлет пытались повернуть события вспять, умоляя султана разорвать трактат. Отчасти это подействовало. Осознав всю невыгодность договора для империи, султан стал упрекать Балтаджи, почему, дескать, тот не поторговался еще хотя бы пару дней, можно было бы ослабить русских, заставив их отдать Карлу все захваченное Петром в Прибалтике, ослабив тем Россию, и т.д.³⁹ Визирь оправдывался, но в конечном счете русское золото, полученное им у Прута, стоило этому лукавому царедворцу жизни. Вскоре его казнили по настоянию Девлет-Гирея⁴⁰.

Затем петровский посол в Стамбуле П.А. Толстой, неустанно выплачивавший крупные суммы уже новому великому визирю, а также муфтию, капудан-паше, матери султана и остальной элите, сумел добиться от Ахмета III фирмана, предписывавшего хану выслать из Крыма Свена Лагерберга. Видимо, и султану было необходимо прервать крымско-шведские политические связи. Ведь этот швед был последним уцелевшим звеном в контактах между Гиреем и Карлом XII, с которым в Бахчисарае по-прежнему связывали надежды на сотрудничество в борьбе с Россией. Указанию из Стамбула пришлось подчиниться, и шведа проводили с почестями до границы.

Очевидно, какие-то проекты того же смысла по-прежнему разрабатывались и в ставке Карла. Прошло совсем немного времени, и в Бахчисарае прибыл новый посол шведского короля, Г. Лютteman. Хан с радостью встретил его, начались весьма перспективные переговоры, естественно, в глубокой тайне от османского двора. Однако вскоре их пришлось прервать. Они стали невозможны по двум причинам. Во-первых, туркам удалось что-то пронюхать насчет сепаратных шведско-крымских переговоров и новых стратегических замыслов, и султан тут же прислал исполненную открытых угроз грамоту с требованием немедленно выслать и этого шведа. Во-вторых,

все более отчетливо проступало общее недовольство турецких политиков пребыванием короля Швеции в Османской империи. Что в конечном счете вылилось в военную акцию, получившее название *Калабалык*, то есть стоившее немало крови насильственное переселение Карла XII из приграничных Бендер в глубь Османской империи, в Демотику.

В целом же крупный политический проигрыш 1711 г. (а иначе король не мог оценивать Прутский договор) заметно сказался и на крымско-шведских отношениях. Девлет–Гирей ясно видел то, чего по-прежнему не мог постичь Карл XII, сохранивший свою известную идеалистичность до последних дней жизни. В очередной раз эти два лидера встретились в обстановке строгой конфиденциальности ровно через 10 дней после заключения мира для того, чтобы обсудить дальнейшие совместные действия. Судя по записям присутствовавшего на этой знаменательной встрече С. Лагерберга, она напоминала не столько переговоры двух регентов, сколько беседу много повидавшего, умудренного нелегким жизненным опытом старца с довольно самонадеянным и упрямым молодым человеком.

Карл XII по-прежнему, как и в 1709 г., полагал, что он в состоянии довести до успешного окончания свою политическую акцию при османском дворе. А именно — склонить султана к совместному выступлению против России, предварительно заключив шведско-крымско-турецкий договор о неподписании ни одним из участников сепаратного мира с русскими до тех пор, пока Петр не примет разработанные сообща условия.

Хан прекрасно видел, насколько недалек его собеседник как политик, насколько необеспечен он поддержкой других европейских potentatov. И, что еще важнее, он лучше короля знал, насколько трудно вести дело с османскими двором, муфтием, султаном, янычарскими и иными начальниками, всем этим «клубком» амбициозных, глубоко эгоистичных и нечестных, насквозь коррумпированных личностей и группировок. Поэтому Девлет-Гирей был, очевидно, абсолютно уверен в неизбежности провала политических проектов шведского короля, в совершенной утопичности поставленной им задачи. Король по-прежнему мог быть полезен для общего дела, в актуальности которого ни у кого, даже у султана, не возникало сомнений, а именно — для обуздания России.

Таким образом, для хана проблема состояла в том, чтобы направить деятельность Карла, его кипучую энергию и блестящие полководческие способности в нужном направлении. Проявить эти качества король мог отнюдь не в душных покоях Адрианопольского дворца или в бюрократическом цен-

тре Порты — имперском Диван-Сарае, но на полях больших и малых сражений, где равных шведскому королю-рыцарю в те десятилетия просто не было⁴¹.

Другими словами, Девлет-Гирей лучше самого короля знал, где именно его деятельность будет наиболее эффективна, где он более всего нужен (в том числе и в интересах разоряемого русскими войсками Шведского королевства). И в этом не было никакого парадокса. Нередко ситуация, в которой оказывается даже незаурядная личность, гораздо отчетливее просматривается со стороны, чем изнутри. Именно поэтому в ходе упомянутой беседы хан недвусмысленно обращал внимание короля на тот факт, что султан на протяжении всей прутской эпопеи ни разу не вспомнил ни о взаимных обязательствах (пусть документально и не оформленных, но неоднократно выражавшихся и Ахмедом III, и Карлом XII, и Девлет-Гиреем), ни о чьих-либо, кроме своих личных, интересах, включая и долговременные политические перспективы явно слабеющей Османской империи.

Поэтому, продолжал Гирей, обращаясь к своему шведскому собеседнику, если из Стамбула в самом ближайшем будущем не последует никаких новых предложений для короля, то Карлу необходимо возвращаться к своим войскам, и чем скорее, тем лучше. Сам же хан не ждет для себя здесь никакой благодарности за содеянное, но лишь смещения и ссылки еще до возвращения в Крым — турки уже установили денную и ночную слежку за ним и его приближенными⁴². Со всеми этими точными наблюдениями, логичными выводами и разумными рекомендациями могли согласиться многие, но не Карл, одной из характерных черт которого было невероятное упрямство. Слова старика он фактически игнорировал, доказав это дальнейшими своими поступками.

В будущем ситуация могла лишь обостряться. Царь, обязавшийся по II пункту Прутского трактата вывести войска из Польши, отказывался выполнять свое слово, ссылаясь на то, что турки вопреки тому же договору держат близ польских пределов злейшего врага «порядка в Польше» Карла. По той же причине русские отказывались оставить захваченные ими причерноморские турецкие крепости. Кроме того, среди турок и крымских татар разошелся слух (не исключено — искусно пущенный османскими царедворцами), что Карл бросил свою державу на произвол судьбы, шведы отказались от своего короля, а сама «бесхозная» и частично оккупированная Швеция уже в этом году войдет в состав России. При этом, естественно, освободятся основные вооруженные силы Петра, занятые на европейском театре, и объединенная русско-шведская армия с удвоенной

силой ударит по Турции и Крыму. Это было правдоподобно: Карл совершенно бесплодно проводил в Турции месяц за месяцем, в то время как его балтийские владения планомерно превращались русскими в зону выжженной земли, а национальная армия столь же регулярно истреблялась. Эти слухи привели, наконец, к тому, что удаления короля из Порты стали требовать янычары, потом остальная армия, а затем и беспокойные городские массы.

Такие настроения ослабляли и Турцию, и Крым, причем настолько явно, что в августе 1711 г. Девлет-Гирей не выдержал и заявил Карлу XII вполне ультимативно, что если тот не уберется домой добром, то хан «станет к нему в афронт, и непременно следствием сего будут великие беды»⁴³. Король пожал плечами, но с места не двинулся. Весной 1712 г. напряжение в отношениях между ханом и королем несколько ослабло. Возможно, этому содействовало возрастание общей опасности: русские снова стали готовиться к агрессии на юг, нарушая основные условия Прутского трактата, в частности приступив к строительству новой мощной крепости на р. Самаре в качестве опорного пункта.

В фонде «Походная канцелярия Меншикова» архива Санкт-Петербургского института истории РАН хранятся письма светлейшему князю и реляции царю от находившегося в ту пору в Стамбуле вместе с П.А. Толстым, точнее — посланного ему в помощь, вице-канцлера империи П.П. Шафировва. В указанных документах имеется на этот счет интересная информация. Так, в апреле 1712 г. посол сообщает, что Карл «неусыпно с приятelmi своими ханом и французским послом» ведет переговоры о способах склонить Порту к новой войне с Россией, возможно введя для этого крымский корпус на территорию Польши⁴⁴. Причем Девлет, целиком увлеченный новой возможностью ударить по русским с запада и тем самым отвлечь их от Крыма, склонен дать шведскому королю не жалкие семьсот янычаров, а несколько десятков тысяч крымско-татарских всадников. Но помехой такому решению проблемы здесь служат отнюдь не турки, а Р. Саттон и Я. Кольер — послы Великобритании и Нидерландов, как известно, постоянно противостоявшие росту французского влияния в Турции. Именно под их влиянием поляки заявили султану, что «никогда на то не позволят, чтобы король швецкой яко их неприятел с великим числом войск, а особливо татарских яко хищников, через их землю ехал»⁴⁵.

В то же время, напоминал П.П. Шафиров, король шведов вполне резонно отказывался пересекать польскую границу без надежной охраны пока там, вопреки Прутскому договору, властвуют русские. Наконец, к апрелю 1712 г.

относится приводимая Ф.И. Соймоновым грамота султана, предписывающая Карлу XII готовиться к выезду с «честным конвоем», численность которого теперь вообще замалчивается⁴⁶. Это не просто подозрительно — ясно, как Божий день, что король должен готовиться к депортации на фактически вражескую территорию вообще без какой-либо защиты. И Карл заявил в очередной раз, что он не может ехать через Польшу, пока оттуда не будут выведены русские войска, опасаясь захвата в плен или даже покушения⁴⁷, — Петр на такие дела был, как известно, мастер.

Итак, выяснялось, что король не мог покинуть Турцию, даже если бы и хотел. В то же время Карл, как следует из его внутренней переписки, искренне желал этого, сообщая своим сподвижникам, находившимся в Бендерах, что решил вернуться в свою армию ранней зимой 1712–1713 гг.⁴⁸ Но теперь уже поляки заявили, что пропустят короля со свитой и охраной лишь в том случае, если его будут сопровождать турки, а не татары. Да и если сама заявка насчет свободного прохода через территорию Польши поступит из Стамбула, «а не от Хана, о котором они ведают, что он им неприятел, а швецкому королю друг». О том же визирю, по наущению П.П. Шафирова, говорили английский и голландский послы в Стамбуле⁴⁹.

Между тем русские по-прежнему не то что не уходили из Польши, но все более там усиливались. Об этом на протяжении лета 1712 г. в Стамбул исправно сообщали крымско-татарские агенты на территории Речи Посполитой. И когда хан в сентябре подал султану очередную сводку, то терпение турок стало подходить к концу. И даже недруги Карла и хана в один голос заговорили о том, что если русские в ближайшие недели не покинут Польшу, то, как утверждал в очередном донесении П.П. Шафиров, «быть войне непременно»⁵⁰.

Так и вышло. На заседании 31 октября 1712 г. великий диван принял решение об объявлении России войны «за многие ею несодержания последнего мирного договору». Впрочем, уже тогда высказывалось четко обоснованное мнение о том, что за объявлением войны стоял не кто иной, как Девлет-Гирей, имевший в правительственных кругах Турции не только врагов, но и единомышленников: «Причина нарушения мира не учинилась от инаго, токмо от Хана крымского, как разглашают сами турки», — сообщал царю его безымянный тайный агент в Турции⁵¹.

Но объявление войны отнюдь не означало начала военных операций, их и не было отмечено на протяжении всей зимы. Причиной тому были как жестокие холода, так и крайняя непопулярность новой войны у всех слоев турецкого населения — от простых людей до высшей администрации,

включая армейскую. Более того, возникла опасность мятежа, вызванного военным положением. По совокупности этих и иных причин султан стал склоняться к возобновлению мира с царем, не доводя дело до кровопролития. В ту же зиму Девлет-Гирей активизирует свои контакты с Сечью, возобновляется постоянная переписка, а Карл, получивший значительную сумму от своих французских союзников, жертвует по 500 талеров на курень, шлет табуны коней и т.д., также явно рассчитывая на политическую и военную поддержку запорожцев в будущей кампании⁵².

Иначе говоря, взаимопонимание хана и короля было полным, подготовка к выезду короля шла своим чередом, и никто в ее реальности не сомневался. Но такое решение проблемы явно не устраивало смещенного в 1704 г. Карлом польского короля Августа II, которого при мысли о новом появлении могучего врага в Польше не могли не охватить самые мрачные предчувствия. И он по собственной инициативе начинает переговоры с ханом, склоняя того к предательству. Как указывает в своей рукописи Ф.И. Соймонов, в Бахчисарае отправляется некий Ломарь, польский полковник, с предложением Девлет-Гирею настоять на сопрождении шведского короля, а в Польше скрутить его и выдать головой то ли Августу, то ли Петру⁵³. Понятно, что для Гирея такой поступок был немислим сразу по двум причинам: во-первых, хан был человеком слова, а Карла считал своим другом; во-вторых, такая акция чудовищно усилила бы основного врага Крыма — царя Петра, так что решиться на нее мог только слабоумный.

Полковник Ломарь был ханом прогнан, через месяц вернулся, его опять с позором выдворили за Перекоп. Но нашлись люди, которые сообщили Карлу, что хан замыслил сдать его на милость врагов, как только эскорт пересечет северную границу Турции. Голштинский посланник сообщает в своих мемуарах, что, услышав эту клевету в январе 1713 года, Карл сразу в нее поверил⁵⁴, после чего, вероятно изменил свое отношение к хану. Как следует из личной переписки короля, он некоторое время пытался объяснить с ханом, но тот, жестоко оскорбленный самой возможностью такого предположения, вряд ли отвечал своему венценосному корреспонденту с присущей ему вежливостью и выдержанностью. Другими словами, старая дружба стала разрушаться на глазах.

Вскоре Карл разорвал с ханом все отношения. В своей рукописи Ф.И. Соймонов дает до сих пор нигде не встречающееся объяснение такому легковерию шведского короля. Оказывается, его подданные перехватили некоего «курьера», у которого нашли зашифрованное послание саксонского

министра Я.Х. Флеминга к Девлет-Гирею, подозрительно легко (при отсутствии ключа) прочитанное, где о предательском сговоре хана и Августа II упоминалось как о деле решенном⁵⁵. Искренне недоумевавший хан пытался объясниться с королем, но тот был настолько оскорблен «предательством», что, по удовлетворенному замечанию П. Шафирова, в беседе с бывшим другом уже «порывался до шпаги»⁵⁶. Гирей не мог поверить, что его блестящий план рушится по столь глупой причине. 5 февраля он в последний раз предложил королю свой 40-тысячный эскорт. Тот снова отказался в оскорбительных выражениях, и хан отступил.

При этом он даже согласился принять от Ахмеда III хат-и-шериф — полномочие поступать с королем, отказавшимся ехать (то есть выступившим против воли султана), по своему усмотрению. Имелось в виду, что если Карл будет «им, хану и сераскиру вооруженной рукой противиться, чтобы его тех подданных (то есть шведскую свиту и лейб-гвардейцев. — В.В.) и его самого без всякого изъятия до смерти побить»⁵⁷. Тот же П.П. Шафиров сообщает, что хан «осердился и осадил короля татарами и приказал, чтоб никакого харчу ему не давали и не возили», так же, как и самое необходимое — питьевую воду. Оставшийся окруженным в доме-крепости, Карл заявил в ответ, что будет до тех пор «борониться, пока мочь будет, а ежели невозможно будет ему борониться, то восемь бочек пороху, которые при себе имеет, хочет король зажечь и дымом к небу ити»⁵⁸.

Событие, которое получило имя собственное «Калабалык» (*турец.* заваруха, стычка) было в разгаре, и 12 февраля (по другим сведениям 13-го) 1713 г. ханские войска, усиленные янычарским отрядом направили на группу построек в Варнице, где укрывались шведы, стволы полевой артиллерии. Девлет-Гирей, еще раз обратившись к Карлу с увещательными словами, не имевшими успеха, приказал дать два орудийных залпа и идти на приступ. А когда янычары по команде визиря прибыли из Бендер, дело уже подходило к завершению.

Шведы отчаянно дрались с превосходящими силами противника, за которым стояла фактически вся мощь Османской империи! В день штурма погибли «...многие татары и турки, не только рядовые, но и начальные» — их пало несколько сотен, в том числе «4 аги и мурзы». Но и шведов «...многих прорубили и 300 человек... в полон взяли. А сам король свейской с некоторыми знатнейшими офицерами заперся в своём дворе, хотя по тому двору стреляли и бомбы на него с двух сторон бросали, но не могли онаго до вечера добыть...» Штурм длился три дня. И лишь в ночь на четвертый, когда

«...огонь на дворе короля загорелся (при котором случае хан и сераскир были), в час ночи король швейской от великого жара и чаду принужден был выйтить с 15 офицерами, которые только в живых при сем остались, и взял его в полон один татарин Липка...»⁵⁹

На этом Калабалык и закончился. Карла XII, получившего во время штурма два серьезных ранения, перевезли в Демотику, замок в сельской местности под Адрианополем. Он около года болел и лишь осенью 1714 г. вернулся в свою главную армию

Значение Калабалыка как политической акции было крайне своеобразным. Напомним, что накануне этого события три великие державы очутились в политическом тупике. Петр не мог вывести, в соответствии с Прутским трактатом, войска из Польши, пока Карл подстрекал турок к войне с Россией, демонстративно отказываясь покинуть Порту. Карл оставался в Турции, резонно опасаясь пересекать территорию Польши, пока там рыщут русские отряды. А Ахмед III не мог насильственно выслать шведского короля (согласно священной шариатской традиции гость неприкосновенен); в то же время Турция была буквально принуждена русскими, открыто нарушавшими Прутский мир (в том числе пребыванием в Польше), к объявлению царю войны, в которой была абсолютно не заинтересована и которой не начинала месяц за месяцем.

Разорвать этот порочный круг взялся в 1713 г. Девлет-Гирей. Причем едва ли не все участники заранее ждали от него этой акции. Как писал тогда на родину голштинский секретарь Карла, «...исход всего дела будет зависеть от пропозиций крымского хана»⁶⁰.

Конечно, швед не мог предвидеть, что «пропозиции» Гирея сведутся к кровавому Калабалыку, но в целом он попал в точку: именно хан вывел все три державы из затянувшегося политического клинча, нарушив его мертвое равновесие. В результате «телега» истории покатила дальше: недужного Карла можно было более не опасаться, Петр объявил о своем решении уйти из Польши, Турция тут же заключила с Россией желанный мир и т.д. Остается сказать, что вопреки мнению более поздних исследователей, Калабалык не был задуман как сугубо *антишведская* акция и отнюдь таковой не являлся. Это была, пожалуй, единственная оставшаяся у Девлет-Гирея возможность вразумить упрямого шведского короля для его же пользы, и хан этой возможностью воспользовался.

Подведем итоги. Была ли генеральная линия южной политики Карла ошибочной? Вряд ли. Просто она кажется малоактивной. Теперь, задним

числом, мы можем сказать, что в предполтавский период королю следовало действовать так, как он начал работать лишь после 1709 г., то есть отправлять одного за другим в Крым своих посланцев с точными инструкциями. А раньше Карл только принимал крымские инициативы, да и то вяло, ни разу не ответив на дипломатические визиты ханских посланцев. Лишь после Полтавы Карл стал относиться к крымчанам как к достойным военно-политическим партнерам, но было, увы, поздно.

¹ Эмеджен Ф. От создания османского государства до Кючук-Кайнарджийского мира // История Османского государства, общества и цивилизации. М., 2006. Т. 1. С. 45.

² Цит. по: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII ст. Одесса, 1898. С. 692.

³ *Возгрин В.Е.* Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI–XVIII вв. в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 9. С. 320–323.

⁴ Подробно см.: *Возгрин В.Е.* Дипломатические связи Швеции и Крыма накануне и после Полтавы // Скандинавский сборник. Таллин, 1985. Т. XXIX. С. 70. (Далее — Возгрин 1985.)

⁵ *Kurat A.N.* Prutfelttåget och Prutfreden 1711 // *Karolinska Förbundets Årsbok*, 1939. S. 98–99. (Далее — Kurat 1939.)

⁶ Цит. по: *Лехно Давид бен-Элиезер.* Дебар Сефетаим [Устное слово]. СПб., 1882. С. 24. (Далее — Лехно 1882.)

⁷ Лехно 1882. С. 24–25.

⁸ *Nilsson S.A.* De svensk-turkiska förbindelserna före Poltava // *Scandia*, Bd. XXII, h. 2. Stockholm; København; Oslo, 1953–1954. S. 17–119. (Далее — Nilsson 1953.)

⁹ *Backman S.* Från Rawicz till Fraustadt. Studier i det stora nordiska krigets diplomati 1704–1706. Lund, 1940. S. 136.

¹⁰ В марте 1707 г. к султану прибыл крымский посланец, неплохо разбиравшийся в политической обстановке на берегах Босфора. Он сразу же вступил в близкий контакт с французским послом и, только заручившись поддержкой последнего, «промышлял с великим прилежанием привести Порту с Российским государством в ссору», — писал посол П.А. Толстой. Эта инициатива, как и более ранние, оказалась не просто бесплодной, но и привела, по словам того же российского посла, к очередной смене хана (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1707. Д. 2. Л. 31; Л. 60).

¹¹ *Nordberg G.A.* Leben Karl des Zwölften, Königs in Schweden, mit Münzen und Küpfern. Bb. I–II. Hamburg, 1745–1746. B. I. S. 902. (Далее — Nordberg 1745.)

¹² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1709. Ед. хр. 2. Л. 369 об.

¹³ Nilsson 1953. S. 141–142.

¹⁴ *Bref från Olof Hermelin till Samuel Bark*, 1702–1709. Stockholm, 1913. S. 165.

¹⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1709. Ед. хр. 2. Л. 138.

¹⁶ Всего в Стамбул было отправлено 5500 рублей золотом и на 10 тыс. рублей собольих мехов (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1709. Ед. хр. 2. Л. 62).

¹⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1709. Ед. хр. 2. Л. 138.

- ¹⁸ *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков. СПб., 1895. Т. III. С. 442–443.
- ¹⁹ Nordberg 1745. В. II. S. 7–8.
- ²⁰ Ibid. В. I. S. 902.
- ²¹ Об этом царю сообщили два перебежчика из шведско-запорожского лагеря (Документы Северной войны. Полтавский период (ноябрь 1708 — июль 1709) // Труды Императорского Русского военно-исторического общества. 1909. Т. III. С. 206, 207–208. См. также: Lagerberg 1896. S. 22.
- ²² *Englund P.* Poltava. Berättelsen on en arméns undergång. Stockholm, 1988. S. 225.
- ²³ Kurat 1939. S. 26.
- ²⁴ Anecdotes de sejour du Roi de Suede a Bender ou letters de Mr le Baron de Fabrice pour servir d'eclairissement a l'histoir de Charles XII / пер. с фр. Л.Г. Кагушкиной. Hambourg, 1760. P. 26. (Далее — Fabrice 1760.)
- ²⁵ Det Svenska Riksarkivet. Otto Wilhelm Klinkowströms Bref 1709. O. Klinkowström — H. Müllern, 17.08.1709.
- ²⁶ «Сечевикам, — убеждал их посол, — теперь уж ничего не остается, как сотрудничать со шведами и татарами, если же они не воспользуются этой Богом посланной им возможностью, то, судя по всему, вот-вот станут крепостными или рабами (Bönder eller Träller) русских или турок, так как по договоренности с поляками царю уже отходит Литва, Волынь, Подолия и т. д.» (Sven Lagerbergs Dagbok under vistelsen hos Tartarhanen Dowlet-Ghierey 1710–1711. Utg. av Magnus Lagerberg. Göteborg, 1896. S. 15–16). (Далее — Lagerberg 1896.)
- ²⁷ Det Svenska Riksarkivet. Otto Wilhelm Klinkowströms Bref 1709. O. Wrangel — H. Mullern, 04.12.1711. (Далее — SRA ORW.)
- ²⁸ SRA ORW. H. Müllern — S. Lagerberg 18.02.1711.
- ²⁹ Lagerberg 1896. S. 23.
- ³⁰ Подробнее см.: Возгрин 1985. С. 74.
- ³¹ Война с Турцией 1711 года. (Прутская операция). Материалы, извлеченные из архивов Государственного, Военно-Ученого... Генерального штаба полковником А.З. Мышлаевским. СПб., 1898. С. 222.
- ³² Там же. С. 222–223.
- ³³ Ранее в Бендерах состоялась встреча Ф. Орлика, Девлет-Гирея и Карла XII, на которой был разработан план дальнейшей войны на Украине. Ф. Орлик должен был активно содействовать всеукраинскому восстанию против русских. Хан брал на себя задачу ликвидации воронежских верфей и освобождение томившихся там 5 тыс. пленных шведов (Lagerberg 1896. S. 5, 33).
- ³⁴ *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С. 344; Lagerberg 1896. S. 202–204.
- ³⁵ Kurat 1939. S. 146.
- ³⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. F. IV. 736/3. Ф.И. Соймонов. История государя императора Петра Великого. Л. 269–269 об. (Далее — ОР РНБ. F. IV.)
- ³⁷ Kurat 1939. S. 147.
- ³⁸ *Новичев А.Д.* История Турции. Л., 1963–1968. Т. I–II. С. 195.
- ³⁹ Lagerberg 1896. S. 199, 217.
- ⁴⁰ *Haxthausen A. Freiherr von.* Studien über die inneren Zustände, des Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Hannover, 1847. Th. II. S. 417.
- ⁴¹ Множество источников говорит о том, что Карла с его болезненно прямолинейным и честным характером, часто невыносимым и для европейцев, еще хуже понимали на Вос-

токе. И только крымский хан оказался достаточно мудрым, чтобы пренебречь различиями не только в вере, но и в характере. Недаром именно хану (а не великому визирию, как полагалось по протоколу) было поручено успокоить шведского короля и сопроводить его из Бендер в расположенную в 4 верстах Варницу — Карл после прутского позорного соглашения турок с Петром находился в состоянии почти невменяемом (*Ciobanu V. Les pais Roumains au seul du 18-e Siecle. Charles XII et les Roumains. Bucarest, 1984. P. 95*).

⁴² Lagerberg 1896. S. 191–192.

⁴³ Ibid. S. 235.

⁴⁴ АСПБИИ. Ф. 83. К. 18. Д. 158. Л. 22 об.

⁴⁵ Там же. Л. 27–27 об.

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. IV. 739/4. Л. 21–21 об.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1711. Д. 6. Л. 328 об.

⁴⁸ Fabrice 1760. № 43.

⁴⁹ АСПБИИ. Ф. 83. К. 18. Д. 158. Л. 26 об.–27 об.

⁵⁰ Там же. К. 20. Д. 9. Л. 1–1 об.

⁵¹ Там же. Д. 276 «а». Л. 1.

⁵² Там же. К. 21. Д. 6 «б». Л. 1 об.

⁵³ ОР РНБ. Ф. IV. 736/4. Л. 23 об.–24.

⁵⁴ Fabrice 1760. № 59.

⁵⁵ ОР РНБ. Ф. IV. 736/4. Л. 24.

⁵⁶ АСПБИИ. Ф. 83. К. 21. Д. 20 «б», Л. 2–2 об.

⁵⁷ Там же. Д. 50. Л. 1 об.

⁵⁸ Там же. Д. 20 «б». Л. 2–3.

⁵⁹ Там же. Д. 45. Л. 3–3 об.

⁶⁰ Fabrice 1760. № 64.